

Interview with **Professor Luigi ZINGALES**, Entrepreneurship and Finance Professor at the Booth School of Business and Director of the Stigler Center at the University of Chicago, co-host of the podcast **Capitalistn't**, by Alexander Vereshchagin, Editor-in-Chief of “Zakon” Journal and Alexey Ivanov, Director of the HSE — Skolkovo Institute for Law and Development and of the BRICS Antimonopoly Centre*

На вопросы главного редактора журнала «Закон» Александра Верецагина и директора Института права и развития ВШЭ — Сколково и Антимонопольного центра БРИКС Алексея Иванова отвечает профессор Школы бизнеса им. Бута Чикагского университета, директор Центра Стиглера Чикагского университета и автор ряда бестселлеров, один из постоянных ведущих подкаста **Capitalistn't** Луиджи ЗИНГАЛЕС**

Luigi G. Zingales was born on 8 February, 1963, in Padua. In 1987 Zingales received a bachelor's degree in economics from Bocconi University in Milan. In 1992 he earned a PhD in Economics from the Massachusetts Institute of Technology.

In 1992–2005, 2006–2013, and from 2014 until now: Assistant, Associate, Full Professor of Finance, Robert C. McCormack Distinguished Service Professor of Entrepreneurship and Finance.

From 2015 until now: Director of the George J. Stigler Center. In 2005–2006, 2014–2015: Harvard University, Taussig Research Professor.

Nowadays he is the author of more than 80 publications, especially two very widely-reviewed books: *Saving Capitalism from the Capitalists* (New York, 2003; co-authored with Raghuram G. Rajan); and *A Capitalism for the People: Recapturing the Lost Genius of American Prosperity* (New York, 2012).

Fellow of the European Corporate Governance Institute, Member of the Committee on Capital Market Regulation, Founding director of the Center for Economic Analysis of the PCAOB, Fellow of the American Finance Association. His main field of study is business economics.

Родился 8 февраля 1963 г. в городе Падуя.

В 1987 г. получил степень бакалавра экономики в Университете Боккони в Милане, в 1992 г. — докторскую степень в Массачусетском технологическом институте. Научная специализация — организация бизнеса и предпринимательство. В 1992–2005, 2006–2013 гг. и с 2014 г. по наст. вр. преподает в Школе бизнеса им. Бута Чикагского университета. С 2015 г. — директор Центра Стиглера Чикагского университета. В 2005–2006, 2014–2015 гг. — профессор Гарвардского университета. В 2014 г. — президент Американской финансовой ассоциации. В 2007–2014 гг. — член совета директоров компании *Telecom Italia*, в 2014–2015 гг. — член совета директоров компании *Eni*. Автор более 80 публикаций по проблемам экономики, финансов и корпоративного управления, в том числе двух широко известных книг: «Спасение капитализма от капиталистов» (Н.-Й., 2003, в соавторстве с Р. Раджаном) и «Капитализм для народа» (Н.-Й., 2012). Научный сотрудник Европейского университета корпоративного управления. член Комитета по регулированию рынков капитала, директор-основатель Центра экономического анализа при Совете по надзору за бухгалтерским учетом в публичных компаниях, член Американской финансовой ассоциации.

Главная сфера научных интересов — бизнес-экономика.

* The interview was conducted at the VI BRICS International Competition Conference on September 17, 2019 in Moscow.

** Интервью состоялось на полях VI Конференции по конкуренции под эгидой БРИКС в 2019 г. в Москве.

RUSSIA NEEDS ITS OWN CASE LIKE *STANDARD OIL*

РОССИИ НУЖНА СВОЯ ИСТОРИЯ НАПОДОБИЕ *STANDARD OIL*

A.V.: We will start with general ideas. There is the market system and there are the market players, the capitalists. Apparently, their interests run counter to one another, this is especially clear in the case of IP rights. I'm sure you feel this difference, but how would you explain it, economically?

L.Z.: Look, this is very simple. Businessmen support competition when they want to enter a market, but the moment they are in a market they want to restrict competition to increase their profits. That's the nature of business. As long as businessmen are not too powerful, and they are not enabled by the government to curtail competition, this process is beneficial to the economy. When they become too powerful and use the law to curtail competition, this is very bad for everyone. All too often people don't distinguish between what I call being "pro-market" (i.e., believing in the positive effects of competition) and being "pro-business", which means focusing on making existing businesses richer. From the policy point of view, these two things are very different, but too often they are confused, often intentionally. It's important that the policy makers understand this difference.

A.V.: And I think in the Russian context, this sort of confusion is very well reflected in the discussion on parallel importation.

A.I.: The idea to ban parallel importation was brought to Russia by the US trade representatives

A.B.: Начнем с основных идей. Интересы самой капиталистической системы и интересы игроков внутри нее — капиталистов часто оказываются взаимоисключающими, например в случае с правами интеллектуальной собственности. Как бы Вы объяснили это расхождение с позиции экономиста?

Л.З.: Все очень просто. Бизнесмены ратуют за конкуренцию, когда хотят выйти на рынок, но как только они оказываются внутри, тут же начинают выступать против конкуренции, чтобы наращивать собственную прибыль. Такова природа бизнеса. Пока у бизнесменов не очень много власти и государство не поддерживает их в стремлении ограничить конкуренцию, это даже полезно для экономики. Когда же они становятся слишком влиятельными и используют правовые механизмы, чтобы душить конкуренцию, это плохо для всех. Слишком часто стирается разница между «прорыночными», как я их называю, подходами (т.е. верой в позитивное влияние конкуренции) и «пропредпринимательскими», т.е. нацеленностью на увеличение доходов текущего бизнеса. С точки зрения государственной политики это два весьма разных понятия, но их сплошь и рядом путают, и нередко намеренно. Крайне важно, чтобы регуляторы понимали разницу.

A.B.: Думаю, в России это смешение очень четко проявляется в развитии дискуссии о параллельном импорте.

A.И.: Запрет параллельного импорта был пролоббирован в России американскими торговыми представителями, в том числе в процессе вступления России в

during the WTO accession process. We agreed on this and put a ban on parallel importation allowing transnational companies to discriminate against Russian consumers in terms of price, quality, and assortment. The seeming rationale was to empower IP holders so that they could capture a bigger share of value. Ironically, this monopoly of transnational IP holders is enabled by the Russian government not only through excessive protection of IP rights, but also by using its power of administrative intervention through the customs service. As a direct outcome of this, what we see is not only price and quality discrimination, but also a serious detriment to the knowledge-based economy in the country. Based on the survey done at the Skolkovo Innovation Centre, the Russian Silicon Valley, the majority of Russian startups are concerned with this. They cannot effectively buy equipment and other materials from international suppliers. On the one hand, we kind of simulate promotion of innovation by empowering those major IP holders, but on the other hand, we stifle innovation on a startup level and directly discriminate against final consumers.

L.Z.: Absolutely. This happens in the United States, too. The drugs that are produced in the US and exported to Canada at a low price, cannot be re-imported to the United States. I don't think that the government should be in the business of helping firms price discriminate.

A.V.: So, you think even American antitrust policy is not so skilled in solving such problems?

L.Z.: The US antitrust policy oscillated over time. It was very aggressive in the 50–60s, perhaps too aggressive. Now we have moved too much in the opposite direction. This swing is exacerbated by two new phenomena. The first one is the (mis)use of patents, expansion of copyrights and other intellectual property rights. The other is the emergence of digital platforms, which tend to create natural monopolies. Combined with lax antitrust policies, these phenomena lead to an increase in concentration and — I fear — an increase in tacit collusion. As economists we know that it is very difficult to detect

ВТО. Мы приняли их условия, позволив зарубежным компаниям напрямую дискриминировать российских потребителей по качеству, цене и ассортименту. Основанием для запрета стало желание усилить позиции владельцев прав интеллектуальной собственности, чтобы они могли больше зарабатывать. Удивительно, что эта монополия зарубежных владельцев прав интеллектуальной собственности поддерживается российским правительством не только за счет чрезмерных мер по охране интеллектуальной собственности, но и с помощью административных инструментов, таких как таможенный контроль. Непосредственный результат — дискриминация по цене и качеству, а заодно и значительный ущерб развитию инноваций в стране. И, как показывает опрос, проведенный в Инновационном центре «Сколково», таким положением дел озабочено большинство российских стартапов, которые не могут быстро и по честной цене закупать оборудование и необходимые материалы у международных поставщиков. То есть, с одной стороны, мы вроде как стимулируем инновации, усиливая охрану прав интеллектуальной собственности через запрет параллельного импорта, а с другой стороны, душим инновационное развитие на уровне стартапов и дискриминируем конечных потребителей.

Л.З.: Абсолютно точно. В США происходит то же самое: производимые там лекарства экспортируются в Канаду по более низким ценам, но ввезти их обратно нельзя. Я не думаю, что государство должно помогать компаниям дискриминировать потребителей по цене.

А.В.: Значит, даже американская антимонопольная политика не может эффективно бороться с такими проблемами?

Л.З.: Американская антимонопольная политика постоянно менялась. В 1950–1960-е гг. она была очень, наверное, даже слишком агрессивной. Теперь маятник качнулся в обратную сторону. Этот разворот усугубился еще и за счет двух новых факторов. Первый — это недобросовестное использование патентов и расширение действия авторских прав и другой интеллектуальной собственности. Второй связан с развитием цифровых платформ, которые создают новые естественные монополии. В условиях слабой антимонопольной политики все это ведет к увеличению экономической концентрации и скрытой картелизации.

tacit collusion. Yet, as said by George Stigler who got the Nobel prize in 1982, collusion is much more likely with fewer players, so once we reduce the number of players, collusion is facilitated, and that's harmful for consumers.

A.V.: You mentioned these policy swings and George Stigler. So my next question will be about regulatory capture. Here in Russia, we have a vivid discussion whether our antitrust service at all have the political resources to fight monopolies in a country where monopoly has apparently won.

L.Z.: Yes, it was George Stigler who invented this idea. One of the interesting aspects of regulatory capture is that it is observed even in countries that are not corrupt in the traditional sense, I mean corruption that takes the form of big moneybag.

In the United States, the big moneybags are relatively rare, but regulatory capture is very pervasive. What makes it so pervasive is precisely that it is the result of very normal actions.

Everybody knows that getting a big moneybag is bad. However, this changes when it comes to so-called cooperation. If you are a regulator, you want to be cooperative and talk to the industry and then maybe to get someone hired from the industry, because you think that these 'revolving doors' enrich the organisation, which at some level they do, especially, at a lower level. This cooperative behavior with the regulated entities is pervasive, it is everywhere, it is hard to stop. It cannot be without consequences.

Regulatory capture is more severe in industry-specific agencies. For this reason, Stigler thought the antitrust could function better, because it is not so industry specific. Yet, it is on exempted from capture itself. The problem is not limited to regulatory agencies, it reaches Congress. In the early 70s only 10% of senators were becoming lobbyists after they stepped down from office. Right now, we are at the level of 60%. Now remember especially in

Экономистам известно, что такие картели выявить очень тяжело. Но, как писал Джордж Стиглер, нобелевский лауреат 1982 г., сговор гораздо более вероятен тогда, когда на рынке мало игроков: чем меньше игроков, тем проще заключить антиконкурентное соглашение, а страдают из-за этого потребители.

A.B.: Вы упомянули регуляторные изменения и Джорджа Стиглера. Поэтому мой следующий вопрос — о контроле над регуляторной политикой, так называемом регуляторном захвате. Например, в России ведется живая дискуссия о том, есть ли у нашего антимонопольного ведомства политический ресурс, чтобы бороться с монополиями в стране «победивших монополий».

L.Z.: Регуляторный захват — это как раз идея Джорджа Стиглера. Но интересно, что подобное явление наблюдается не только в странах, где процветает коррупция в традиционном смысле, т.е. когда деньги приносят буквально в мешках.

В США деньги в мешках носят нечасто, но регуляторный захват встречается повсеместно. А распространен он именно потому, что считается абсолютно нормальной практикой.

Все знают, что брать взятки — плохо. Но так называемое сотрудничество — это же совсем другое дело. Если вы чиновник, вы хотите выстраивать взаимодействие с бизнесом, даже нанять кого-то из отрасли, потому что думаете, что такой взаимный обмен будет полезен для ведомства, что на каком-то уровне, прежде всего на нижних этажах власти, может быть, и верно. Кооперация с регулируемыми субъектами очень популярна, пронизывает все сферы, и ее очень тяжело остановить. Это не может не иметь последствий.

Регуляторный захват особенно сильно выражен в отраслевых органах. Именно поэтому Стиглер полагал, что антимонопольное право может работать лучше, поскольку оно не имеет отраслевого характера. Но от захвата не застраховано и оно. Проблема актуальна не только для исполнительных органов власти, она затрагивает даже Конгресс. В начале 1970-х гг. только 10% сенаторов становились лоббистами после выхода в отставку. Сегодня их 60%. Теперь вспомним, что среди конгрессменов, особенно в Сенате, большинство — люди пожилого возраста, поэтому после выхода в отставку они больше нигде не работают. То есть,

the Senate many of them are so old that they do not work when they retire. So it is basically 100% of the able former senators become lobbyists.

A.V.: How, then, would you distinguish between good and bad lobbying?

L.Z.: The problem is not lobbying itself, but the nature of lobbying and the inequality of resources spent in lobbying. In fact, lobbying is part of a democracy, a constitutionally protected right in the US. However, there is lobbying and lobbying: there is a huge difference between fighting to redress some harm done by the government and fighting to have the government in your pocket. Back in the 80s, companies were lobbying more to get the government off their back, and now they lobby to get it in their pocket. Thus, the nature of lobbying has become worse, but also the inequality of resources has become worse. One big difference is the understaffing of the legislators and the government. The second problem is a consequence of the increase in concentration.

When there are multiple players in an industry and they fight among themselves, the public officials can get some sense of what is the truth. If we have just one or two players in an industry and the public official hears only from those, inevitably she will see only one side of the picture.

Finally, in a world where senators and congressmen expect to become lobbyist at the end of their career, they cultivate their future employers even before. All these factors make lobbying today much worse. The typical example is what happened with Boeing in the United States. Boeing basically became the only aircraft producer in the United States. As a result, people in Congress only hear the opinion of Boeing and that distorts the process. The FAA ('Federal Aviation Administration') is so embedded with Boeing that outsources some safety operations to Boeing itself, with the consequences we have seen.

A.I.: In the US, lobbying is not considered an expression of market power, and antitrust

по сути, 100% бывших сенаторов, которые продолжают свою карьеру, становятся лоббистами.

A.B.: Как тогда отличить плохой лоббизм от хорошего?

Л.З.: Проблема не в лоббизме как таковом, а в той форме, которую он принимает, и еще в том, что у вовлеченных в лоббизм игроков очень разные ресурсы и возможности. Вообще-то лоббизм — это элемент демократии, право, защищаемое в США конституцией. Но лоббизм лоббизму рознь: одно дело — бороться с вредом, причиняемым государством, и совсем другое — бороться за то, чтобы государство работало на твой кошелек. Интересно, что в 1980-е гг. компании скорее добивались того, чтобы государство слезло с их шеи, а теперь хотят, чтобы оно оказалось у них в кармане. Таким образом, природа лоббизма стала более порочной, а неравенство ресурсов более выраженным. Первое значимое отличие состоит в том, что ни в правительстве, ни в законодательных органах не хватает кадров. Вторая проблема — это последствие роста экономической концентрации.

Когда в отрасли много игроков и они борются между собой, регулятор может разобраться в реальном положении дел. Если же игроков всего один или два и чиновник полагается только на информацию от них, он неизбежно видит только одну сторону медали.

Наконец, в мире, в котором законодатели планируют заниматься лоббизмом после окончания политической карьеры, они будут заранее готовить для этого почву и развивать отношения с будущими работодателями. Все эти факторы сегодня ухудшают природу лоббизма. Типичный пример — то, что произошло с *Boeing* в США. *Boeing* стал буквально единственным производителем самолетов в Америке. Как следствие, члены Конгресса прислушиваются только к позиции этой компании, что искажает процесс принятия решений. Федеральное управление гражданской авиации США так плотно интегрировалось с *Boeing*, что отдало им на откуп некоторые вопросы оценки безопасности. К чему это привело, мы все знаем.

A.I.: В США лоббизм не считается типом рыночной власти, и к лоббистам невозможно применить меры антимо-

enforcement is impossible against lobbying. This is what the Supreme Court said back the 60s in *Eastern Railroad Presidents' Conference v. Noerr Motor Freight, Inc.*

L.Z.: *Eastern R. Conference v. Noerr Motors* states that coordinating to lobbying is not an antitrust violation. I am saying that when you are a monopolist (or an oligopolist) you have disproportionate power in lobbying. This can be addressed with a tax (as suggested in my book *Capitalism for the People*), not necessarily with antitrust.

A.I.: At the BRICS Competition Conference in Moscow you mentioned new forms of market power coming from digital platforms. They combine commercial, symbolic, and political power. Maybe in this context we should extend the scope of antitrust to cover these other important forms of market power. For example, one can control a substantial portion of senators through donation. Or, there could be a deep capture of knowledge production through all sorts of research support. Don't you think that this kind of monopolisation of symbolic markets should not be any more exempted from the antitrust enforcement?

L.Z.: On the one hand, I'm not against the Noerr exemption for associations of smaller players. Why? Because it helps smaller players get a voice, be heard. On the other hand, what you are saying is something that actually I have been thinking about a lot recently in the context of academic research: the impact of financing by few big players.

Imagine that 60–70% of people doing research on privacy issues are either directly or indirectly financed by Google. That is a problem at the intellectual level, and it has larger implications.

I think it is a new dimension that antitrust should consider. At this BRICS Competition Conference I tried to push this line and immediately got a pushback because it's a very sensitive issue for academics.

нопольного регулирования. Такова была позиция Верховного суда США в 1960-х гг., высказанная в деле *Eastern Railroad Presidents' Conference v. Noerr Motor Freight, Inc.*

Л.З.: В том деле было установлено, что сотрудничество в целях лоббизма не является нарушением антимонопольного законодательства. Я же говорю про то, что монополист или олигополист обладает непропорционально большими ресурсами для лоббизма. Можно выправить это неравенство за счет налогов, как я предлагаю в своей книге «Капитализм для народа», не обязательно с помощью антимонопольного регулирования.

А.И.: На Конференции БРИКС по конкуренции в Москве Вы упомянули новые виды рыночной власти, которые создаются цифровыми платформами и сочетают в себе коммерческую, символическую и политическую власть. В таком контексте не стоит ли нам расширить охват антимонопольной политики, учесть в ней и эти формы? Например, компания может контролировать значительное число сенаторов через пожертвования или де-факто монополизировать ту или иную научную деятельность за счет различных вариантов поддержки ученых. Не думаете ли Вы, что монополизация символических рынков не должна больше исключаться из сферы действия антимонопольного права?

Л.З.: С одной стороны, я не против антимонопольного иммунитета, предусмотренного в уже упомянутом нами деле против *Noerr Motor* для лоббистских объединений, в особенности для небольших игроков. Почему? Потому что это помогает им обрести голос, быть услышанными. С другой стороны, то, о чем Вы говорите, как раз касается вопроса, который в последнее время меня серьезно занимает применительно к организации научной работы: как на нее влияет финансирование от небольшого числа крупных игроков?

По моим ощущениям, 60–70% исследований, посвященных регулированию оборота персональных данных, прямо или косвенно финансируются *Google*. Это проблема на уровне формирования идей, но она имеет более масштабные последствия.

Я абсолютно уверен, что это новый аспект, на который антимонопольные органы должны обратить пристальное внимание. На Конференции БРИКС я попытался продвинуть эту идею и сразу же получил отпор, потому что для научной общественности это очень чувствительный вопрос.

A.I.: But how can you balance the market to ensure the income for academics? They function in a very restricted environment; very few people are ready to pay for academic articles. Governments do not want to spend much on academia as well and if corporations do this they do it mostly for corporate influence.

L.Z.: I had an idea for lobbying that could be applied here too. Consider that we tax disproportionately the big lobbyists and take that money to distribute to the weaker ones.

A.V.: Redistribution?

L.Z.: Redistribution, yes. It could work in the following way — you can freely spend no more than 5% of all the money spent on research in certain areas. The moment you start to spend beyond this threshold, part of the money you donate is taken away and redistributed to other research, without you having control of who gets it. That's the idea.

A.I.: Do you think that this scheme could be one day considered to be implemented?

L.Z.: Ironically, an American politician Elizabeth Warren has elaborated a plan not for academia but for lobbying inspired from my book “A Capitalism for the People”. She listed it as a proposal.

A.I.: Speaking about Elizabeth Warren, we heard that she proposed to break up the digital monopolies, there is a draft law she was pushing for. Are you for or against? How is it best to tackle digital giants' power?

L.Z.: First of all, I'm not ideologically against breakups, but I want to make sure that the breakups work. Take the example of Facebook, WhatsApp and Instagram. I am not a lawyer but I think there is sufficient legal ground to break them up. Facebook even lied on the extent of the future integration with WhatsApp in the European merger review.

A.I.: Но как организовать рынок, чтобы обеспечить исследователям доход? Они работают в очень ограниченном пространстве; никто особо не стремится платить за научные публикации. Государства не хотят тратиться на науку, а если это делают корпорации, то, как правило, в своих корпоративных интересах.

Л.З.: У меня было предложение для регулирования лоббизма, но его можно применить и здесь. Допустим, что мы непропорционально облагаем налогом крупных лоббистов и передаем эти деньги более мелким.

A.B.: То есть перераспределяем их?

Л.З.: Да. Принцип может быть таким: вы свободно вкладываете в исследования, пока не достигаете порога в 5% от общего объема средств, направляемых в соответствующую научную сферу. А как только вы переходите этот порог, часть денег, которые вы тратите, перераспределяется другим исследователям, и вы не можете контролировать, кто именно их получает. Идея такова.

A.I.: Думаете, она когда-нибудь будет реализована?

Л.З.: Как это ни странно, американский политик Элизабет Уоррен¹, вдохновленная моей книгой «Капитализм для народа», выступила с таким предложением — но не для науки, а для лоббизма. Это предложение было включено в ее предвыборную программу.

A.I.: Говорят, Элизабет Уоррен предложила разделять цифровые монополии и даже внесла связанный с этим законопроект. Вы за или против? Как лучше сдерживать рыночную власть цифровых гигантов?

Л.З.: Сразу скажу, что идеологически я не против таких разделений, но мне хотелось бы точно знать, что это сработает. Возьмите, например, *Facebook*, *WhatsApp* и *Instagram*. Я не юрист, но и мне очевидно, что существуют достаточные правовые основания для их разделения. Компания *Facebook* даже

¹ Потенциальный кандидат в президенты США от Демократической партии.

However, if we don't create the conditions for stable competition, the risk is that you break them up, and then there are big fights of new rivals. So for a little while we have more competition and then one of the three would prevail and the others would die and we're back to square one. So that's the reason why I would prefer when possible to force digital platforms into interoperability rather than break them up. I should study the Russian cases on Google, because it is interesting, but for Google it seems more difficult to enforce interoperability. Anyway, in social media this idea is the way to go.

And I strongly recommend you read the case *Facebook, Inc. v. Power Ventures, Inc.*

Power Ventures was a little company in the Silicon Valley and it was kind of disintermediating Facebook. On its web platform, Power Ventures enabled its users to aggregate social media posting and manage all your multiple social media accounts at the same time. So imagine you add Instagram, Snapchat and Facebook. You gave Power Ventures all your logins and passwords and Power Ventures would automatically spread your post to all your social media and aggregate for you the postings of your friends you care to receive from all your social media. That's a very effective way to create interoperability. Facebook destroyed Power Ventures in a legal battle. It was able to establish in court that if I give you my login and password for Facebook and you enter my Facebook *with* my permission you're hacking my account, which is a federal crime. They used the power of the law very aggressively to block this interoperability, and the consequence is an increased monopolisation of the market. We also see, for example, in the UK that the banks are fighting very aggressively to block open banking because that favors competition. I think that's the direction to go for antitrust enforcement.

A.V.: Speaking about interoperability, we have a fierce discussion in Russia on natural

солгала о масштабах будущей интеграции с *WhatsApp*, когда сделка рассматривалась в антимонопольном ведомстве Европейского союза. Однако если мы не создадим условий для устойчивой конкуренции, то будет риск, что после разделения компаний начнется горячая борьба между новыми соперниками. То есть некоторое время на рынке будет динамичная конкуренция, затем одна из трех компаний победит и круг замкнется, мы снова окажемся на том же самом месте, где сейчас. Именно поэтому я предпочитаю — там, где это возможно, — заставлять цифровые платформы обеспечивать открытость и недискриминационный доступ для других участников, а не разделять их. Мне стоит изучить российские дела в отношении *Google*, они интересные, но в случае с *Google* обеспечение открытости и недискриминационного доступа представляется более проблематичным. В то же время для социальных сетей именно эта идея является решением проблемы.

Я очень рекомендую вам изучить дело *Facebook, Inc. v. Power Ventures, Inc.*

Power Ventures — это небольшая компания в Кремниевой долине, которая выстраивала свои услуги на базе сервисов *Facebook*, лишая *Facebook* эксклюзивного посреднического статуса. *Power Ventures* позволяла пользователям агрегировать на своей платформе данные из различных социальных сетей и управлять несколькими аккаунтами одновременно. Представьте: вы подключаете к ней *Instagram*, *Snapchat* и *Facebook*. Вы даете свои логин и пароль *Power Ventures*, а они автоматически публикуют единожды размещенный вами пост сразу во всех связанных социальных сетях, параллельно подгружая в вашей ленте на платформе посты ваших друзей с других площадок. Это очень эффективный способ обеспечения открытости и недискриминационного доступа. *Facebook* уничтожил *Power Ventures* в суде. Они смогли представить дело так, что, если я даю вам свои логин и пароль и вы входите в мой аккаунт *с моего согласия*, вы как будто взламываете мой аккаунт, т.е. совершаете преступление. *Facebook* использовал положения законодательства, чтобы агрессивно ограничить эту открытость и недискриминационный доступ к платформе, и, как результат, мы имеем еще большую монополизацию рынка. Мы также видим, что, например, в Великобритании традиционные банки очень жестко борются с открытостью, блокируя «открытый банкинг», именно потому что открытость содействует конкуренции. Думаю, это важное направление для совершенствования антимонопольного регулирования.

A.B.: Что касается открытого доступа, то в России сейчас ведется активная дискуссия о естественных моно-

monopolies doctrine. Do you think this notion is economically sound?

L.Z.: I think that in long term, things may change, but when the telegraph was first invented for a while it was the only game in town. And if you control the telegraph, you control the diffusion of information, and that is monopoly. That should be regulated. Another example is electricity. If you separate the ownership of the grid from the production of electricity you can have competition in production of electricity, but the grid itself is a natural monopoly. I think that natural monopolies do exist.

The approach on natural monopolies is traditionally either nationalisation or regulation. Although it is challenging, Oliver Hart and I are working on a third way: to create some fiduciary duties, so you can run these monopolies as private companies, but you have to consider the interests of the society at large before the interest of your shareholders.

For instance, in the context of digital economy, one issue that I am particularly concerned with is the news ranking performed by Google. Google can easily manipulate the ranking of news, the search results, and influence people's opinions and voting behavior, as evidence suggests. For Google, this would be profit maximizing. But from a democracy point of view, there is a serious concern.

|| How to incorporate this interest into Google's operations, this what we are trying to do.

A.I.: You said that many competition authorities regret that they allowed Facebook to buy WhatsApp, Instagram. This happens a lot in other digital markets as well. Take the ride-hailing platforms — the Chinese are now investigating the Uber — DiDi merger. The Singaporean authority regrets that they allowed Uber merger with Grab. They even imposed a fine of \$10 million, but Grab raised \$6 billion for this deal. The deterrent effect is illusive. The question is do you think

полях. Как Вы считаете, экономически это понятие оправданно?

Л.З.: Думаю, что в перспективе все может измениться, но, например, когда был изобретен телеграф, на некоторое время он стал единственным выбором потребителя. Если вы контролируете телеграф, вы контролируете передачу информации, а это монополия, и она должна соответственно регулироваться. Другой пример — электричество. Если вы разделите владение сетями электропередачи, то получите конкуренцию в производстве электричества, но сами линии электропередачи уже являются естественной монополией. Так что да, естественные монополии существуют.

Традиционно есть два подхода к естественным монополиям: национализация или регулирование. Несмотря на сложности, мы с Оливером Хартом пытаемся создать третий подход: выработать фидуциарные обязательства, т.е. дать возможность управлять этими монополиями как частными компаниями, но так, чтобы на первое место ставились интересы общества, а на второе — акционеров.

Например, в контексте цифровой экономики меня особенно беспокоит ранжирование новостей, которое делает *Google*. *Google* может легко манипулировать порядком выдачи новостей, результатов поиска и оказывать значительное влияние как на мнения людей, так и на их электоральное поведение, чему есть немало доказательств. Для *Google* это обеспечивает увеличение прибыли. Но с точки зрения функционирования демократических институтов это вызывает серьезную тревогу.

|| Как заставить *Google* учитывать в своем бизнесе этот общественный интерес — вот вопрос, который мы стараемся решить.

A.I.: Вы говорили, что многие антимонопольные ведомства сожалеют, что позволили *Facebook* купить *WhatsApp* и *Instagram*. Похожие истории есть и на других цифровых рынках. Возьмем агрегаторы такси — китайское ведомство сейчас расследует пропущенную ранее сделку *DiDi* с *Uber*, сингапурский регулятор сокрушается из-за того, что дал согласие на сделку *Grab* с *Uber* и даже наложил штраф в 10 млн долл., но *Grab* выиграл в результате сделки 6 млрд. То есть сдерживающий эффект таких запоздалых реакций ничтожен. Получается, в существующих условиях регуляторы

in the current context authorities are too toothless? We hear a lot that authorities should be prudent, they must avoid the so-called ‘type one’ errors, because it’s very important for the digital economy to evolve without regulatory dictatorship, as Makan Delrahim of the US Department of Justice recently said. But what about preserving the openness of the market? What is your suggestion?

L.Z.: First of all, I think that regulators are not very aggressive because so far, the political mood was not to be very aggressive. I also think that consumers were not particularly interested in that and politicians as well. There is a study on ProMarket, the publication of the Stigler Center that I direct, showing that the words “antitrust” and “competition” didn’t appear in either party’s political platforms from the early 1960s to 2016. It’s not surprising that the authorities are toothless and not aggressive — because where was the political demand?

What I’m trying to do with the Stigler Center, what a lot of other people are trying to do, is to create sensitivity on this topic because otherwise nothing could be done. I think that’s a first step in that direction. Once there is some awareness, the institutions will respond in some way.

I think that the other point which is important, and it emerged also at the BRICS conference, is that we should weight differently type one and type two errors in a digital world compared to a traditional world where tipping of markets was not so easy. In the presence of tipping the cost of waiting is big. In the world of digital platforms you have, I would argue, two forms of tipping: economic tipping and political tipping.

||| If you wait too long and Uber becomes the only player in town it’s economically hard to interfere but also politically hard to interfere. The only way to ensure digital platforms do not become too big is to contain them early on.

For that we need to change a series of presumptions, which today are designed to make it very difficult to bring any case. Of course, we

оказались слишком беззубыми? Мы ведь часто слышим, что антимонопольные ведомства должны быть сдержанны и избегать так называемых ошибок первого рода, потому что для цифровой экономики очень важно развиваться без регуляторной диктатуры, как недавно сказал Макан Дельрахим из Минюста США. Но как же тогда обеспечить открытость рынка? Что бы Вы предложили?

Л.З.: Прежде всего, я думаю, регуляторы недостаточно энергичны из-за отсутствия политического запроса на это. Мне также кажется, что ни потребители, ни политики не были особенно в этом заинтересованы. В блоге *ProMarket*, который я курирую в рамках своей работы в Центре Стиглера, опубликовано исследование об использовании слов «антитраст» и «конкуренция» в политических программах и в ходе избирательных кампаний партий — эти термины вообще нигде не фигурировали начиная с 1960-х гг. и вплоть до 2016 г. Неудивительно, что регуляторы пассивны и беззубы, — где политический запрос?

Повышение информированности, разъяснение важности темы — это то, чем занимается наш Центр Стиглера и многие другие специалисты, потому что без этого изменить что-либо невозможно. Думаю, это первый шаг в верном направлении. И разумеется, как только к ним придет это осознание, институты отреагируют.

Еще один важный аспект, который также был озвучен на Конференции БРИКС, — это необходимость по-разному оценивать ошибки первого и второго рода в цифровом мире: не так, как это делалось в традиционной экономике, когда монополизировать рынок было не очень-то и легко. При угрозе стремительной монополизации рынков цена ожидания оказывается особенно высока. В современном мире цифровых платформ можно выделить два типа быстрой монополизации — экономическую и политическую.

||| Если прождать слишком долго, пока *Uber* не станет единственным игроком на рынке, тогда будет крайне сложно что-то изменить не только экономически, но и политически. Единственный способ не допустить, чтобы цифровые платформы стали слишком большими, — сдерживать их рост на ранней стадии.

А для этого необходимо изменить целый ряд устоявшихся представлений, потому что сейчас вся система работает на поддержку монополий. Разумеется, надо быть аккурат-

have to be careful, since we do want at the same time protect the rule of law. But I think that you can make antitrust more effective without violating the rule of law.

A.V.: What could be the role of smaller countries in competition agenda development? Your homeland, Italy — what is happening there and how is it different from the US?

L.Z.: The biggest difference is that antitrust intervention is mostly done at the European level and not at the Italian level. The Italian antitrust authority let the European antitrust intervene when big issues arise. The European antitrust law works relatively well, while the Italian antitrust not very much. The Italian antitrust is also very young: the first antitrust law was introduced exactly a hundred years after the United States one: the Sherman Act is dated 1890, the Italian antitrust law is 1990.

One of my early studies was an analysis of large restructuring to help the Italian antitrust bring a case against a mega-bank. It was the case of an investment bank that had a huge amount of power in financial restructurings. I don't know if you are familiar with the U.S history, but it is very similar to the case of Michael Milken, who had huge power in restructurings. The antitrust authority was very unwilling to fight. The same is true with insurance companies. *Assicurazioni Generali* has a huge market power in life insurance, but the competition authority doesn't even consider going after it. The big companies are left basically untouched.

A.I.: Speaking about Italians, your compatriot Mariana Mazzucato wrote recently a book "The Value of Everything" where she raises the problems of patent monopoly and IP rights in general. The idea is that IP is invented with the intention to benefit society, but now IP rights became more like a rent-seeking enterprise, basically deterring and stifling innovation

ными и сохранить качество юридических процедур. Но я уверен, что можно повысить эффективность антимонопольного регулирования, не снижая качество юридического процесса.

A.B.: Какова роль небольших государств в развитии конкурентной повестки? Что происходит на Вашей родине, в Италии, каковы отличия от США?

Л.З.: Самое большое отличие — антимонопольная политика в основном реализуется на уровне ЕС, а не на национальном уровне. Итальянское антимонопольное ведомство уступает дорогу европейскому, если речь идет о каких-то крупных нарушениях, а европейское ведомство работает относительно неплохо, получше итальянского. Но итальянское антимонопольное регулирование имеет совсем короткую историю. Итальянский антимонопольный закон вступил в силу в 1990 г., ровно через сто лет после американского Закона Шермана, принятого в 1890 г.

Одно из моих ранних исследований было связано с анализом большой финансовой реорганизации для того, чтобы помочь антимонопольному органу возбудить дело против банковского гиганта — инвестиционного банка, обладавшего серьезной властью на рынке услуг по финансовой реструктуризации. Не знаю, знакома ли вам американская история, но этот кейс очень похож на дело Майкла Милкена, у которого была огромная власть на рынке финансовой реструктуризации. Регулятор очень не хотел возбуждать дело и бороться. Та же ситуация сложилась и в страховой отрасли. У итальянской компании *Assicurazioni Generali* огромная власть на рынке страхования жизни, но антимонопольный орган даже не рассматривает возможность начать расследование. Крупные компании остаются, по сути, неприкосновенными.

A.I.: К разговору об итальянцах — Ваша соотечественница Мариана Маццукато недавно написала книгу «Ценность всего», где она рассматривает проблему патентной монополии и в целом права интеллектуальной собственности. Ее идея состоит в том, что право интеллектуальной собственности было создано с благим намерением принести пользу обществу, но сегодня интеллектуальные права скорее стали способом получе-

rather than supporting it. My question is — in the paradigm of market economy for people, capitalism for people, we could perceive, do you see that IP rights should be seriously changed, or disappear? What is the role of IP protection in an ideal world of capitalism of Luigi Zingales?

Л.З.: It is a great question. Even before Mariana Mazzucato, Boldrin and Levine wrote a book about intellectual property rights. If you want to make the case against intellectual property rights think about copyrights in the United States. At the beginning of US history, a copyright lasted for 7 years. It was first extended to 14, now it is 75 years. Every time the copyright of Mickey Mouse was about to expire, Congress changed the law and extended the duration of existing copyrights. Now we are getting close again to the expiration of Disney's copyright of Mickey Mouse and I'm betting that Disney is going to lobby to extend it. This extension has no efficiency benefits, it is just a massive redistribution of resources from the little kid who wants to buy the balloon with the picture of Mickey Mouse to Disney's shareholders and its management.

||| If I were God, although, you know, these days even gods are not that powerful, I would probably have intellectual property rights, but very limited in time and only in certain sectors.

Given the cost of developing new drugs, it is hard to imagine that pharmaceutical firms will continue to invest in drug development without any IP protection, but in the tech sector IP protection is more a liability than an asset. The real question is this: is it feasible to have intellectual property rights only for a limited number of years or is the only defensible line zero? In any case, IP protection is definitely something that needs to be rethought massively.

What is happening now is what happened in England at the beginning of the pre-industrial revolution in a sense of the phenomenon of enclosure of public space. That phenomenon redistributed value tremendously.

ния ренты, блокируя, а не стимулируя инновационное развитие. Считаете ли Вы, что в парадигме рыночной экономики, понимаемой как капитализм для народа, интеллектуальные права должны серьезно измениться или вообще исчезнуть? Какова роль интеллектуальной собственности в идеальном капитализме Луиджи Зингалеса?

Л.З.: Прекрасный вопрос. Еще до Марианы Маццукато Болдрин и Левин написали книгу о правах интеллектуальной собственности. Если вы хотите выступить с критикой концепции интеллектуальных прав, авторское право в США — прекрасный пример. В начале американской истории срок охраны авторских прав составлял 7 лет, затем его продлили до 14, сейчас это уже 75 лет. Каждый раз, когда авторские права на Микки-Мауса истекали, Конгресс менял законодательство и продлевал срок охраны. Сейчас права в очередной раз подходят к концу, и я готов поспорить, что *Disney* будет лоббировать новое увеличение срока. Такое продление не несет никакой пользы с точки зрения эффективности, это просто масштабное перераспределение ресурсов от малыша, который хочет шарик с Микки-Маусом, к акционерам и топ-менеджменту компании *Disney*.

||| Если бы я был богом — хотя в наши дни даже боги уже не так могущественны, — я бы, наверное, сохранил права интеллектуальной собственности, но только со строгим ограничением по времени и лишь в определенных секторах.

Учитывая стоимость разработки новых лекарств, вряд ли фармацевтические компании будут инвестировать в разработку лекарств без какой-либо охраны интеллектуальной собственности. Но в технологических секторах охрана интеллектуальной собственности — это скорее ограничение, нежели ценность. Ключевой вопрос такой: есть ли смысл охранять интеллектуальные права определенное число лет или лучше вообще от них отказаться? В любом случае интеллектуальная собственность — это, безусловно, та сфера, которая нуждается в глубоком переосмыслении.

То, что мы наблюдаем сейчас, похоже на то, что происходило в Англии в преддверии промышленной революции, — я говорю о таком явлении, как огораживание земель. Оно привело к значительному перераспределению экономических благ.

It's particularly hard when we know that many products become standard not because they are the best, but because of a combination of luck and coordination.

If I become the song of the summer, I will make 100 times what everybody else makes, but it is not that I am a hundred times better, it's just a lottery. At some point, we are excessively rewarding lottery winners, which is not very good from society point of view.

A.I.: In this context my next question is about the growth of inequality. Do you think the inequality we have is by design, is it a direct consequence of existing global architecture? Modern developing countries face inequality problems on a mass scale. But there are some countries which are by default worse off, they can't catch up. And one thing to blame is the global institutional framework. For instance, take the story of the Soviet Union which was heavily investing into innovation through public funding. And after the Soviet Union collapsed millions of Soviet scientists emigrated to the West. They took knowledge with them which was created not by their work but by the work of their institutions. It was the biggest redistribution of knowledge and information in modern history, but the society of Russia didn't get anything out of this. If we consider IP as redistributive enterprise — do we have global governance which facilitates constant redistribution?

L.Z.: Wow, well, at least three questions here.

Let's start with inequality. There are two aspects of inequality; there are the billionaires, like Bill Gates and Mark Zuckerberg and there is the hollowing out of the middle class. I am much more concerned about the second aspect than the first. Nevertheless, billionaires can be a problem if their wealth is achieved through some form of monopolisation. Carlos Slim used to be the richest man on Earth. His wealth went from 60 billion to only 30 billion dollar when Mexico deregulated its telecommunication market. That

Особенно тяжело сознавать, что многие продукты становятся индустриальными стандартами не потому, что они лучшие, а из-за комбинации удачи и сговора.

То есть если моя песня станет летним хитом, я заработаю в сто раз больше, чем другие, но не потому, что я в сто раз лучше, а потому что мне просто повезло в этой лотерее. И получается, что мы в каком-то смысле слишком превозносим победителей лотереи, что с точки зрения общественного блага не очень хорошо.

А.И.: В связи с этим у меня возникает вопрос о росте неравенства. Как Вы считаете, то неравенство, которое у нас есть, запроектировано и является прямым следствием сложившейся глобальной системы? Развивающиеся страны сталкиваются с масштабными проблемами неравенства. Но некоторые страны отстают по умолчанию, они просто не могут вырваться вперед. И одна из причин — это сложившаяся глобальная институциональная среда. Например, тот же СССР вкладывал значительные общественные ресурсы в технологическое развитие, а после распада Союза миллионы российских ученых эмигрировали на Запад, забрав с собой знания и информацию, которые были произведены не только ими самими, но целыми научно-исследовательскими институтами. Так состоялось крупнейшее перераспределение знания в новейшей истории, от которого российское общество ничего не получило. Если мы взглянем на интеллектуальную собственность, как на инструмент перераспределения, можно ли сказать, что современная глобальная правовая система содействует постоянному перераспределению экономических благ?

Л.З.: Тут по меньшей мере три вопроса.

Начнем с неравенства. В нем можно выделить два аспекта: с одной стороны, есть миллиардеры, такие как Билл Гейтс и Марк Цукерберг, с другой — мы наблюдаем постепенное выхолащивание среднего класса. Меня гораздо больше беспокоит последнее. Вернее, миллиардеры тоже могут стать проблемой, если они заработали свое состояние за счет монополизации. Карлос Слим, который был богатейшим человеком планеты, потерял 30 млрд долл. из его 60 млрд после того, как Мексика либерализовала рынок

same deregulation reduced the prices of cell phone calls by 40%, benefitting the purchasing power of all Mexicans. Thus, some of this extreme inequality is driven by lack of competition.

These cases of extreme wealth attract attention, but they are fairly limited. The bigger social problem is the hollowing-out of the middle class.

In America it used to be the case that even with a high school degree you could have a decent life. Today it is not possible. This is the big inequality that needs to be tackled right now.

At the international level things have gone both ways. China has caught up by using a lot of the IP from the West. This is good because it did reduce inequality dramatically. And you are making an excellent case with the research in the Soviet Union. But I have even a much mightier case. Think about modern Italy. Twenty thousand people leave Italy every year and go to the European Union, mostly to Germany. These guys have been educated completely at the expense of the Italian government and now they pay taxes only in Germany. So that's redistribution taking place, but redistribution from the poor to the rich.

A.I.: It's called extortion.

L.Z.: Exactly. And I think that's a big problem that needs to be addressed. There is a beautiful book written by Paul Collier "The Future of Capitalism" where agglomeration externalities are discussed. You can see that within countries, you can see that across countries, you observe it within Russia. Everybody is agglomerating in Moscow, but as Moscow is a part of Russia, you can redistribute. But imagine that if Moscow was a separate city-state! And that is a disaster because that is how inequality increases.

A.V.: Speaking about inequality and the pressure on the underprivileged, what

телекоммуникаций. Эта же либерализация привела к падению цен на звонки по сотовой связи на 40%, тем самым оказав благоприятное влияние на покупательную способность мексиканцев. Таким образом, иногда такое экстремальное неравенство связано с отсутствием конкуренции.

Истории несметного богатства привлекают внимание, но их значение относительно ограничено. Более значимая социальная проблема — это выхолащивание среднего класса.

Раньше в Америке можно было рассчитывать на достойную жизнь, имея только школьный аттестат, теперь нельзя. И это — то самое большое неравенство, с которым нужно что-то делать уже сейчас.

На международном уровне движение идет в обе стороны. Китай сильно поднялся за счет использования западной интеллектуальной собственности. Это хорошо, потому что в результате неравенство резко сократилось. Вы привели отличный пример с наукой в Советском Союзе. Но у меня есть еще более убедительный кейс. Подумайте о современной Италии. Ежегодно двадцать тысяч человек покидают Италию и уезжают в другие страны ЕС, в основном в Германию. Эти люди получили образование за счет итальянского правительства, но они платят налоги в Германии. Вот тоже пример перераспределения, но перераспределения от бедных к богатым.

A.И.: Это называется грабёж.

Л.З.: Именно. И это, на мой взгляд, большая проблема, на которую стоит обратить внимание. Есть прекрасная книга Пола Коллиера «Будущее капитализма», где он анализирует эффекты агломераций. Мы наблюдаем их и внутри государственных границ, и во многих странах, в том числе и в России. Все стекаются в Москву, но поскольку Москва — это часть России, то перераспределять ресурсы еще можно. А представьте себе, что было бы, если бы Москва была отдельным городом-государством! Это катастрофа, поскольку именно так неравенство и растёт.

A.В.: Говоря о неравенстве и о положении неблагополучных слоев населения, что Вы скажете о

about the labor markets? We know that in Italy, for instance, the labor market is not competitive at all, it is heavily state-regulated, you wrote about it. The United States is quite flexible, on the other hand. In such a situation, do you think that labor laws are still well tailored for the new economy?

L.Z.: In general no, but it depends on what you mean by that. Some laws reduce tremendously the flexibility of reallocating people to different tasks, and these laws are not helpful. Yet, I fear that some legal protection of workers is needed now more than in the past.

|| We are moving towards uberisation of work, where there is an unbalanced bargaining power in favor of the employer. Adding some protection for workers, for example against discriminatory firing, is needed.

A.I.: Now let me ask this closing question: Russia is a young capitalist society. We are still soul-searching when it comes to capitalism. Some say, now we are even losing the faith in capitalism and trying to reconstruct the old, state-controlled economy. What would be your advice in terms of further developing capitalist system in Russia?

L.Z.: I don't know if you'll like my answer, but my fear is that capitalism in Russia was born with an original sin. And the original sin was the loans for shares privatisation, which made a few well politically connected people instant billionaires. It produced two effects. First, it distorted the political process. Second, it gave a bad reputation to the word "capitalism". The reason why, at the end of the day, capitalism is still popular in the United States is because Americans experienced its positive effects. Then you go to Latin America and people hate capitalism. Why? Because it's been born corrupt to begin with and has never been able to shed that image of corruption. This is where the competition authority can play an important role.

рынках труда? Мы знаем, что в Италии, например, рынок труда вообще неконкурентен, он зарегулирован, Вы писали об этом. В США, напротив, он очень гибкий. В такой ситуации, как Вы считаете, трудовое законодательство все еще подходит для новой экономики?

Л.З.: В целом нет, но это зависит от того, что Вы имеете в виду. Некоторые законы сильно ограничивают мобильность людей и их возможности менять сферу деятельности. И эти законы не помогают развитию экономики. Тем не менее я боюсь, что в определенных аспектах правовая защита работников сегодня нужна даже больше, чем в прошлом.

|| Мы движемся в сторону «уберизации» труда, что чревато сильным смещением переговорной власти в сторону работодателя. И как минимум надо усилить защиту работников от увольнений по причине дискриминации.

A.И.: Задам завершающий вопрос. Россия — молодое капиталистическое общество. Мы еще в поисках оптимальной модели капитализма. При этом многие говорят, что вера в капитализм утрачена и пора воссоздать старую административно-командную систему. Что бы Вы посоветовали для дальнейшего развития капиталистической системы в России?

Л.З.: Не знаю, понравится ли Вам мой ответ, но я боюсь, что капитализм в России родился с изначальным пороком. Таковым стали залоговые аукционы и другие механизмы приватизации, которые мгновенно сделали миллиардерами нескольких человек с хорошими политическими связями. Это имело два последствия. Во-первых, конечно, произошла деформация политического процесса. Во-вторых, что важнее, само слово «капитализм» обрело плохую репутацию. В конце концов, единственная причина, почему капитализм все еще популярен в США сегодня, — это то, что американцы испытали на себе его позитивное влияние. Посмотрите на Латинскую Америку — люди там ненавидят капитализм. Почему? Потому что он с самого начала строился на коррупции и так и не смог избавиться от этого коррупционного имиджа. И здесь антимонопольные ведомства могли бы сыграть важную роль.

Capitalism is sustainable only when two conditions are met. Number one, it provides upward mobility for people, so people see its benefits. Number two, there is a perception that everybody is subjected to the same set of rules.

You should have your “Rockefeller moment”, when the American Antitrust forced the break-up of Standard Oil, the company owned by the richest men in America. I think that it would be kind of a game changer for...

A.I.: ...closure of this trauma, yes?

L.Z.: Exactly.

Капитализм устойчив, когда одновременно выполняются два условия. Первое — это вертикальная социальная мобильность, когда люди видят конкретную пользу для себя. Второе — это четкое понимание того, что все подчиняются одним правилам.

России нужен свой собственный «момент Рокфеллера», когда американская антимонопольная система принудительно разделила *Standard Oil* — компанию, принадлежащую самому богатому человеку в Америке. Думаю, это стало бы поворотным моментом для...

А.И.: ...преодоления этой травмы?

Л.З.: Да, именно так.